

УДК 94(495).02

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ X В.: ФЕОДОР ДАФНОПАТ

THE IMAGES OF WAR IN BYZANTINE HISTORICAL LITERATURE OF THE X CENTURY: THEODOROS DAPHNOPATES

А.С. Мохов, К.Р. Капсалькова

A.S. Mokhov, K.R. Kapsalykova

*Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Ельцина Б.Н.,
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.*

*Ural Federal University name First President of Russia Yeltsin B.N.
620002 Ekaterinburg; Mira Str. 19*

E-mail: rkb2004@yandex.ru, Carinne.Kapsalikova@gmail.com

Ключевые слова: Византия, византийская армия, Феодор Дафнопат, миролюбивая риторика, Симеон Болгарский.

Key word: Byzantium, byzantine army, Theodoros Daphnopates, peaceful rhetoric, Symeon of Bulgaria.

Аннотация. Статья посвящена представлениям о войне византийского государственного деятеля и ратора Феодора Дафнопата. В правление Романа I Лакапина, Константина VII и Романа II он занимал должности протасикрита, логофета стратиотиков, эпарха Константинополя. Основными источниками были письма Феодора Дафнопата. В них автор неизменно придерживается миролюбивой риторики. В частности, в письмах к болгарскому царю Симеону он призывал к прекращению боевых действий, называя войну бедствием, разделяющим два христианских народа. По мнению Дафнопата, миролюбие присуще любому человеку, совершающему справедливые и богоугодные дела. Война же противоречит человеческой природе, несет смерть и нищету. По мнению авторов, миролюбивая риторика Феодора Дафнопата объясняется, прежде всего, тяжелым внешнеполитическим положением Византии в 20–30-е гг. X в. Не имея возможности сдерживать противников военной силой, империя вынуждена была прибегать к дипломатии.

Resume. The article is devoted to the military representations by byzantine statesmen and rhetor Theodoros Daphnopates. In the times of Romanos I Lekapenos, Constantine VII, Romanos II he was protasekretis, logothetes tou stratiotikou and eparchos of Constantinople. The letters of Theodoros Daphnopates were the main historical sources of this issue. In them the author used the peace-loving rhetoric consistently. In particular, he called for ending of warfare in the letters to the Bulgarian tsar Simeon. Daphnopates named the war is disaster, separating the two Christian peoples. According Daphnopates, peacefulness was inherent in any person who commits a fair and charitable affair. War is contrary to human nature, it brings death and misery. According to the authors, the peace-loving rhetoric Theodoros Daphnopates explained, first of all, a heavy foreign policy position of Byzantium in her 920–930-s. Unable to contain the opponents of the military power of the empire was forced to resort to diplomacy.

В византийском обществе IX–X вв. отношение к войне, армии и деятельности военачальников не оставалось неизменным. Основным фактором, влиявшим на общественное восприятие военных событий, являлось внешнеполитическое положение империи. В конце IX – первой четверти X в. византийские армии терпели от болгар одно сокрушительное поражение за другим, отряды арабских эмиров безнаказанно разоряли приграничные фемы империи, а на море господствовал мусульманский флот. В этих условиях война воспринималась византийским обществом как бедствие, спасение от которого отчаявшиеся подданные Льва VI и Романа I Лакапина искали в защите высших сил. Например, автор Жития св. Феоктисты, образно намекая на череду катастрофических поражений начала X в., писал: «Однажды я был на острове Парос. Довелось мне остановиться там во время плавания на Крит, куда нас отпра-

вил, блаженной памяти, император. Благочестивый, он забрал с собой в могилу счастье ромеев»¹.

Об отношении византийского общества к войне известно, прежде всего, из исторических и агиографических сочинений, а также из сохранившихся до наших дней писем чиновников, военачальников и религиозных деятелей периода правления Македонской династии. Следует отметить, что почти все они признавали важность армии для стабильного внешнеполитического положения Византии. Например, патриарх Николай Мистик писал, что внешняя сила империи определялись состоянием армии и энергией полководцев². В более позднее время этому уделяли значительное внимание Лев Диакон, Иоанн Скилица, Михаил Пселл и другие византийские хронисты. В настоящем исследовании рассматривается восприятие войны известным государственным деятелем и ритором X в. Феодором Дафнопатом.

Биографические сведения о Феодоре Дафнопате (Θεόδωρος ὁ Δαφνολάτης) известны, в основном, из его писем, а также из хроники Продолжателя Феофана³. Длительная служба Дафнопата в столичных гражданских ведомствах началась в правление Романа I Лакапина (920–944) и продолжалась до смерти Романа II (959–963). В одном из писем, которое датируется 930-ми гг., он упоминает свою должность – ὁ διερμηνευτής («толкователь, комментатор») ⁴. Однако в византийских документальных источниках IX–X вв. такая должность не упоминается. В «Клеторологии» Филофея, среди подчиненных логофета дрома, перечислены ἐρμηνευταὶ («переводчики»). Однако, по мнению Р. Гийана, переводчики служили также в императорской канцелярии⁵. Предположение французского исследователя подтверждается сведениями о *cursus honorum* Феодора Дафнопата. В 20–40-е гг. X в. его служба была связана с императорской канцелярией. Он занимал должности ἐπί τοῦ κανκλείου («хранитель чернильницы», личный секретарь императора) и протасикрит (πρωτοασκηρίτης, глава императорской канцелярии), получил титулы протоспафария и патрикия⁶.

В начале единоличного правления Константина VII (945–959) Феодор Дафнопат, как и многие другие приближенные Романа Лакапина, оказался в немилости. После увольнения со службы ему пришлось на некоторое время покинуть Константинополь. На императорскую службу Феодор Дафнопат вернулся во второй половине 950-х гг., получив назначение на должность ὁ στρατιωτικὸς λογοθέτης («военный логофет»). В административной иерархии империи этот пост считался достаточно низким. С нач. X в. логофеты стратиотиков не играли значимой роли ни в гражданском, ни в военном управлении империей⁷.

Исключение составляют только последние годы правления Константина Багрянородного и царствование его сына Романа II. В это время на должность главы «военного ведомства» назначались весьма влиятельные лица с титулами патрикиев или магистров. Изменение ситуации следует связывать с борьбой придворных бюрократических группировок во главе с Василием Лакапином и Иосифом Врингой. Эти «придворные партии» стремились установить контроль над системой гражданского управления империи. При этом большое значение придавалось борьбе за ключевые посты в столичных ведомствах (логофет дрома, протосикрит, протовестиарий, паракимомен). Должность логофета стратиотиков в их число не входила, являясь второстепенной. В связи с этим, на посту главы «военного ведомства» оказывались, как правило, представители той группировки, которая терпела поражение в политической борьбе. Назначение логофетом стратиотиков с должности, например, логофета дрома было унижительным понижением по службе⁸.

Судя по сведениям хроники Продолжателя Феофана, Феодор Дафнопат принадлежал к сторонникам препозита Иосифа Вринги. При Константине VII эта придворная группировка

¹ Vita S. Theoctistae // Acta Sanctorum Novembris / rec. H. Delehaye, P. Peeters. Bruxellis, 1925. T. 4. P. 225.2.

² Nicholas I patriarch of Constantinople. Letters / ed. by R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, D. C., 1973. P. 326, Ep. 75.43–68. См. также: Малахов С.Н. Концепция мира в политической идеологии Византии первой половины X в.: Николай Мистик и Феодор Дафнопат // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1995. Вып. 27. С. 19–31.

³ Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Zweite Abteilung (867–1025) / hrsg. von F. Winkelmann, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig u. a. Berlin, Boston, 2013. Bd. 6. S. 336–339, Nr. 27694.

⁴ Théodore Daphnopatès. Correspondance / éd. et trad. par J. Darrouzès et L.G. Westerink. Paris, 1978. P. 109, Ep. 10.6.

⁵ См.: Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introd., texte, trad. et comment. Paris, 1972. P. 117.15, 312; Guillard R. Grand Interprète // Guillard R. Titres et fonctions de l'Empire byzantin. London, 1976. XX. P. 17–26.

⁶ Darrouzès J. Un recueil épistolaire byzantin: le manuscrit de Patmos 706 // Revue des études byzantines. 1956. T. 14. P. 116–117.

⁷ Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P. 249.11, 269.28.

⁸ Подробнее см.: Мохов А.С., Боровков Д.С. Логофеты стратиотиков в Византии VII–XI в. // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 2 (90). С. 11–12.

временно утратила свое влияние, с чем и связано назначение бывшего главы императорской канцелярии на должность «военного логофета». Однако с 959 г., после прихода к власти Романа II, политическое господство перешло к «придворной партии» Иосифа Вринги. Продолжатель Феофана писал, что бывший военный логофет (ἀλό στρατιωτικῶν) Феодор Дафнопат получил титул магистра и должность епарха Константинополя, причем помощников ему подобрал и назначил сам Иосиф Вринга⁹.

Не вызывает сомнения, что вершина служебной карьеры Феодора Дафнопата пришлась на непродолжительное правление Романа II. В это время он не только занимал пост ὁ ἐταρχος τῆς Πόλεως, но также являлся одним из ближайших советников императора. Сохранилась переписка между Феодором Дафнопатом и Романом Младшим, состоящая из четырех писем¹⁰.

После смерти Романа II политическая группировка, к которой принадлежал Феодор Дафнопат, была разгромлена. Новый император Никифор II Фока (963–969) поручил гражданское управление Василию Лакапину, который назначил на важнейшие посты, включая должность епарха Константинополя, своих сторонников. Дафнопат, которому в это время было около 60 лет, окончательно покинул службу. Однако нет никаких оснований считать, что он подвергся преследованиям со стороны Василия Лакапина. Несомненно, что бывший епарх утратил какое-либо политическое влияние, но он продолжал появляться при дворе, вел переписку с должностными лицами, занимался литературным творчеством. Последние упоминания о нем относятся к 963–964 гг.¹¹

Литературное наследие Феодора Дафнопата неоднократно привлекало внимание византистов¹². В первую очередь, исследователей интересовало, являлся ли он автором заключительной части хроники Продолжателя Феофана, охватывающей период с 948 по 961 гг. Вплоть до нашего времени данный вопрос остается дискуссионным¹³. Однако не вызывает сомнений, что Феодором Дафнопатом была написана некая историческая хроника, которую во введении к своему «Синописису историй» упоминал Иоанн Скилица¹⁴. Помимо этого, Феодором Дафнопатом был создан ряд агиографических сочинений (Житие Феофана Исповедника, Житие Феодора Студита, Мученичество святого Георгия), несколько энкомиев, торжественных речей, богословских трактатов и поэтических произведений¹⁵. Авторство еще нескольких текстов приписывается Феодору Дафнопату предположительно. Наиболее известным из них является энкомий по поводу заключения мира с Болгарией, написанный в 927 г.¹⁶

Отдельно следует упомянуть эпистолярное наследие Феодора Дафнопата. До нашего времени сохранилось 40 его писем, опубликованных в 1978 г. Ж. Даррузе и Л.Г. Вестеринком. Значительная часть из них имеет официальный характер. Они были написаны по поручению Романа Лакапина и адресованы болгарскому царю Симеону (893–927), римскому папе Иоанну XI (931–935), «эмиру Египта»¹⁷, митрополиту Ираклии Фракийской Анастасию и др. влиятельным иностранным и византийским персонам. Кроме того, Дафнопат направлял письма

⁹ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. P. 470,7–18.

¹⁰ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 19–20, Ep. 13–16.

¹¹ Ibid. P. 3–4.

¹² Подробнее см.: Каждан А.П. История византийской литературы (850–1000 гг.): эпоха византийского энциклопедизма. СПб., 2012. С. 166–172.

¹³ См.: Сюзюмов М.Я. Об историческом труде Феодора Дафнопата // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. 2. С. 295–302; Markopoulos A. Théodore Daphnopatès et la Continuation de Théophane // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1985. Bd. 35. P. 171–182.

¹⁴ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973. P. 3,26 – 4,39.

¹⁵ См.: Две речи Феодора Дафнопата, изданные с введением о жизни и литературной деятельности автора и с русским переводом / изд. и пер. В.В. Латышева // Православный палестинский сборник. СПб., 1910. Т. 20. Вып. 2 (59). Ч. 1; Страдание святого славного великомученика Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату и ныне впервые изданное (с русским переводом) / изд. и предисл. В.В. Латышева // Там же. Ч. 2; Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 4–6.

¹⁶ См.: Dujčev I. On the Treaty of 927 with the Bulgarians // Dumbarton Oaks Papers. 1978. No. 32. P. 217–295.

¹⁷ Мы присоединяемся к авторитетному мнению К.Н. Юзбашяна, который считал, что данное письмо было адресовано не кому-либо из мусульманских правителей, а архонту Тарона магистру Григорию Тарониту (Γρηγόριος ὁ Ταρωνίτης ὁ τοῦ Ταρῶν ἄρχων). См.: Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М., 1988. С. 268–275. О Григории Тароните см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Zweite Abteilung (867–1025). Bd. 2. S. 622–626, Nr. 22497.

императорам Роману Лакапину, Константину VII и Роману II. Среди других его адресатов были духовные лица, чиновники гражданских ведомств, придворные¹⁸.

Подробности военных походов, описание сражений, деятельность отдельных военачальников не привлекали пристального внимания Феодора Дафнопата. Он не служил в императорской армии, не имел боевого опыта и, по всей видимости, мало общался с военными. Во всяком случае, армейские командиры или стратиги византийских фем не были адресатами его писем. Характерно, что он противопоставлял себя и других должностных лиц императорской канцелярии даже гражданским провинциальным чиновникам: «мы дышим словами, едим слова, пьем слова»¹⁹.

Однако считать, что Феодор Дафнопат специально дистанцировался от военной тематики, было бы неверным. Грамотный и прекрасно образованный чиновник, он обладал необходимыми знаниями о структуре и численности императорской армии, а также был знаком с классическими и византийскими военно-теоретическими сочинениями. Не следует также забывать, что в его необычно долгой, продолжавшейся около 40 лет, чиновной карьере, был непродолжительный период, когда он возглавлял логофетию стратиотиков.

Специальную военную терминологию в своих сочинениях Феодор Дафнопат использовал редко²⁰. Исключение составляет «Страдание святого великомученика Георгия», главным героем которого является святой воин. Несмотря на то, что речь в этом произведении идет о времени правления «жестокого тирана» Диоклетиана (284–305), наименования большинства военных должностей не соответствуют реалиям начала IV в. Напротив, почти все упомянутые автором командные посты существовали в византийской армии IX–X вв. В тексте упоминаются стратиги, стратилаты, топархи и даже комит схол первой тагмы²¹. Отметим также, что рассказ о сборе войска для похода против персов совпадает с порядком организации крупных военных кампаний второй половины IX в., когда к регулярным войскам, выступившим из Константинополя, по пути к границе присоединялись фемные ополчения во главе со стратигами²².

Не вызывает сомнения, что Феодор Дафнопат считал войну трагедией, несущей людям неисчислимые страдания. Однако следует учитывать, что большинство его эпистолярных текстов, наполненных миролюбивой риторикой и призывами к миру, содержали не личные оценочные суждения столичного ратора, а официальную внешнеполитическую доктрину Византии. В 20–30-е гг. X в. империя старалась избегать широкомасштабных военных конфликтов, предпочитая решать внешнеполитические проблемы дипломатическим путем.

Наиболее ярко миролюбивая риторика Феодора Дафнопата проявилась в письмах к царю Симеону. Эти послания были написаны по распоряжению императора Романа Лакапина в 925–927 гг. Незадолго до этого, в сентябре 924 г., состоялась личная встреча Романа I и Симеона, завершившаяся заключением перемирия. В обмен на выплату Византией дани, болгары обещали передать империи приморские крепости Созополь и Агатополи. Однако Симеон всячески затягивал выполнение соглашения, и укрепления на черноморском побережье перешли к Византии не раньше осени 927 г.²³

С одной стороны, задача Феодора Дафнопата состояла в том, чтобы убедить болгарского царя выполнить взятые на себя обязательства. В одном из писем он взывал к здравому смыслу Симеона: обладание приморскими крепостями (τὰ παραθαλάσσια κάστρον) не дает болгарам никакого преимущества, но ведет к значительным финансовым затратам. Ведь из-за отсутствия у болгар флота использовать приморские укрепления в военных целях Симеон не сможет²⁴.

В другом послании Дафнопат упрекал Симеона в нарушении условий мирного соглашения. Он утверждал, что болгары постоянно разоряли византийскую приграничную область. Далее Феодор Дафнопат писал: «Какая польза тебе от того, что ты силой захватил наши земли? Какие ты получаешь от этого доходы? Какие налоги? Если разобраться, то после многих грабежей и убийств ничего тебе не досталось. Ты получил только крепости, но это прине-

¹⁸ Подробнее см.: Chernoglazov D. Beobachtungen zu den Briefen des Theodoros Daphnopates. Neue Tendenzen in der byzantinischen Literatur des zehnten Jahrhunderts // Byzantinische Zeitschrift. 2013. Bd. 106. Heft 2. S. 623–644.

¹⁹ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 215, Ep. 37.130.

²⁰ Ibid. P. 55, Ep. 4.59.62: ἀρχὸν τῆς Ἀνατολῆς, στρατηγός, θέμα.

²¹ Страдание святого славного великомученика Георгия. С. 38–40. Должность комита тагмы схол появилась не ранее 70-х гг. VIII в.

²² Там же. С. 38. Ср.: Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions / ed. by J.F. Haldon. Wien, 1990. P. 80.

²³ См.: Runciman S. A history of the first Bulgarian empire. London, 1930. P. 171–173, 179–180.

²⁴ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 75, Ep. 6.90–102.

сет большие расходы по их обустройству и снабжению припасами. Жители же напрасно мучаются и погибают»²⁵.

С другой стороны, византийский ритор постоянно призывал Симеона вообще прекратить военный конфликт. По его словам, Византия прилагала для этого все усилия. Однако новые требования Симеона не позволяли заключить прочный и долговременный мир: «не желая совершить отступничество и подвергнуться осуждению, мы не предадим своих подданных кровожадным иноплеменникам. <...> По традиции ромеев не могут быть переданы под власть твою люди, отданные Богом под наше попечение»²⁶.

Важным моментом в письмах Симеону является критика притязаний болгарского правителя на «ромейский престол»: «Сколько угодно ты можешь называть себя хоть амермумном сарацинов (ἀμερμούμνην τῶν Σαρακηνῶν)... Называть себя царем ромеев и болгар может тот, кто получил эту власть от Бога, а не захватил ее через кровопролитие и убийства. Не может тот, кто разорил весь Запад и поработил его жителей, именовать себя царем ромейским. Ведь наши люди не добровольно прибегли к твоей власти, но были захвачены посредством насилия и войны»²⁷.

Еще один риторический прием, который использовал Феодор Дафнопат, касался религиозной стороны конфликта. Он постоянно подчеркивал, что война ромеев с болгарами – это война двух христианских народов: «Нет больше скифов и варваров, теперь мы все христиане и дети Божии. <...> Ромеи и болгары – это единый народ Христа, вера объединяет болгар и ромеев как сыновей с отцами»²⁸. Отметим также, что Дафнопат категорически отвергает сравнение военного конфликта с Болгарией и арабо-византийских войн: «Сарацины народ иного обычая, иной веры, состоящий в постоянных войнах с ромеями; на них невозможно воздействовать ни изречениями из Священного Писания, ни ссылками на договоры. С арабами не бывает длительного мира, мы заключаем с ними только перемирие на два или три года. Они соблюдают эти договоренности, зная, что нарушив их, получают жестокий ответ»²⁹.

Обращаясь к болгарскому царю от имени императора, Феодор Дафнопат неоднократно подчеркивал отношение к войне, как к трагедии: «Как легко мы становимся объектом для презрения и насмешек наших соседей и наших врагов! Знай же, мой духовный брат, что мы не созданы Богом для убийства друг друга. <...> Мы более жестоки, чем звери, а звери оказываются более мягкосердечными, чем люди. Пока наши народы страдают и воюют между собой, словно неверующие язычники, не будут нам доверять живущие рядом народы. Разве мы можем научить их миру?»³⁰

Аналогичные мысли высказывались им в послании «эмиру Египта»: «Бог есть мир и называется миром, и установлено, чтобы сотворенные им жили мирно и спокойно; и в то время как мир животворит, война обрекает на смерть; мир умножает и обогащает людей, а война сокращает и обрекает на нищету. <...> Если считать, что Бог в восторге от войн и сражений, и с удовольствием убивает людей, то, неужели сначала он сотворил человека, лишь для того, чтобы его убить? Но это не происходит из-за божественного творения, эти несчастья создал князь тьмы, чтобы насладиться существованием войны, а человеку, знакомому с течением истории известно, что Бог ненавидит войну и убийства, плоды человеческой изобретательности, появившиеся в нашей жизни по зависти и злобе дьявола. <...> Я уверен, что вы проявите благоразумие, предпочтете лучшее и проявите здравый смысл, чтобы не начались массовые убийства и войны»³¹.

По нашему мнению, миролюбивая риторика и призывы к прекращению военных действий объясняются значительным военным превосходством болгарского царя. Не имея возможности отстаивать внешнеполитические интересы с помощью военной силы, империя использовала различные дипломатические ухищрения. В посланиях Симеону мы можем отметить попытку представить войны против Болгарии как конфликт между единоверцами. Это противоречило характерному для Византии утверждению о «ромейской» исключительности, но ради подписания мира империя готова была пойти на самые серьезные уступки³².

²⁵ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 59, Ep. 5.20–31.

²⁶ Ibid. P. 65, Ep. 5.114–128.

²⁷ Ibid. P. 59, Ep. 5.34–45.

²⁸ Dujčev I. On the Treaty of 927 with the Bulgarians. P. 265.165–167, 274.320–323.

²⁹ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 69–71, Ep. 6.15–34.

³⁰ Ibid. P. 81–83, Ep. 7.22–43.

³¹ Ibid. P. 53–57, Ep. 4.10–14.41–44.68–70.

³² Kaldellis A. Ethnography after antiquity: foreign lands and peoples in Byzantine literature. Philadelphia, 2013. P. 128–129.

Подводя итоги, отметим, что образ войны, который был создан в сочинениях Феодора Дафнопата, являлся выражением, прежде всего, общего внешнеполитического курса Византии. Стремление избежать новых войн и как можно скорее прекратить старые конфликты подчеркивалось им постоянно. Кратко его отношение к войнам было сформулировано в последнем письме царю Симеону: «дивное дело мира нуждается в защите и укреплении, поскольку позволяет человеку гармонизировать с Христом»³³.

Миролюбивая внешняя политика времен Романа Лакапина вскоре уступила место агрессивному внешнеполитическому курсу. Византия вновь начала проводить масштабные военные кампании, присоединяя при этом новые территории как на Востоке, так и на Западе. М. МакКормик образно назвал период единоличного правления Константина VII, Романа II, Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия «временем триумфов»³⁴. Действительно, за эти двадцать лет Константинополь увидел больше победных триумфальных шествий, чем за предыдущие полтора столетия.

³³ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 77, Ep. 6.132–134.

³⁴ McCormick M. *Eternal victory. Triumphal rulership in late antiquity, Byzantium, and the early medieval West*. Cambridge, 1990. P. 159.